

Свѣтлой памяти Великаго Кронштадтскаго пастыря.

(Рѣчь, произнесенная 19-го минувшаго октября передъ панихидой въ Кронштадтскомъ православно-просвѣтительномъ обществѣ въ память о. Іоанна).

Въ дневникѣ почившаго пастыря читаемъ такія пророческія слова: „истинный пастырь и отецъ своихъ пасомыхъ будетъ жить въ признательной памяти ихъ и по смерти своей: они будутъ прославлять его, и чѣмъ меньше онъ будетъ заботиться о своемъ прославленіи здѣсь, на землѣ, при своихъ усердныхъ трудахъ во спасеніе ихъ, тѣмъ больше просіяетъ слава его по смерти: онъ и мертвый будетъ заставлятъ ихъ говорить о себѣ“ (Дневн. т. V, 123).

Такъ, дорогой о. Іоаннъ, истинный пастырь и отецъ своихъ пасомыхъ, ты и по смерти своей продолжаешь жить въ призна-

тельной памяти ихъ, и, какъ солнце, сіяетъ слава твоя; и въ этотъ день твоей свѣтлой памяти ты и мертвый заставляешь насъ говорить о себѣ. Но, вспоминая о тебѣ, о чемъ другомъ можемъ мы говорить, какъ не о твоёмъ пастырствѣ, которому ты посвятилъ всю свою долгую и чистую жизнь, — жизнь, въ которой все было дивно, и слова и дѣла, а самое дивное то, что твои великія дѣла вполнѣ согласовались съ твоими благодатными словами.

Въ то время, какъ лютеранскій пасторъ есть только избранный изъ вѣрующихъ, а католическій патеръ есть прежде всего папскій слуга, православный пастырь есть Христово подобіе въ мірѣ житія, есть живущій и дѣйствующій въ мірѣ Христось, возраждающій и преображающій міръ. Христовъ духъ, Христова любовь, Христовы взгляды на людей Христова власть и, наконецъ, какъ бы санъ повторяются въ православномъ пастырствѣ. Такъмъ оно и было въ апостольствѣ, благодатномъ учительствѣ и вселенскомъ епископствѣ первыхъ вѣковъ. Но потомъ, къ прискорбію, свѣтлый идеаль пастырства раскололся на двое. Изъ пастырства выдѣлилось подвижничество и, въ качествѣ монастыря, стало отдѣльнымъ церковнымъ учрежденіемъ. Появилось подвижничество безъ пастырства и пастырство безъ подвижничества. И то и другое перестало быть Христовымъ подобіемъ. Подвижничество ушло отъ міра, а пастырство погрязло въ немъ. Одно Христову подобію въ мірѣ житія предпочло ангельскій образъ, другое — образы міра сего до царей и владыкъ включительно.

Въ лицѣ приснопамятнаго о. Іоанна снова явилось міру дѣйствительно Христово подобіе, дѣйствительно евангельскій пастырь. Въ немъ подвижничество (не монастырь) и пастырство соединились вмѣстѣ въ одной необычайно обаятельной гармонической личности. Въ немъ не поражаетъ ни ораторскій талантъ, какъ у Златоуста, ни мужество, какъ у Игнатія и Филиппа Московскаго, ни подвижничество, какъ у Серафима, ни даръ чудотвореній, какъ у преподобн. Сергія, ни прозорливость, какъ у Амвросія Оптинскаго, въ немъ нѣтъ ни одной черты, которая бы была въ глаза. Въ немъ, какъ и во Христѣ, надъ всѣмъ царитъ его необычайная личность, чудесная гармонія характера, особая нѣжность тоновъ и свѣжесть красокъ. Смотри на него, невольно вспоминаешь цвѣты Назарета, голубыя волны Генисаретскаго озера, зеленые холмы Галилеи. Но это — гармонія, въ которой заглавная нота пастырство. Все у него имѣетъ цѣлью пастырскую дѣятельность, для нея онъ очищаетъ себя и приближаетъ къ Богу, все дѣлаетъ настолько,

насколько нужно для этой цѣли. У него всегда былъ передъ глазами превысокій идеаль священства и онъ шлифовалъ себя согласно этому идеалу... Поэтому самое подвижничество въ немъ подчинилось пастырству и въ этомъ послѣднемъ нашло свою настоящую цѣль и должную мѣру. Его нельзя и представить себѣ гдѣ-нибудь въ келіи кѣ одиноко устраивающимъ свое спасеніе. Его жизнь въ Богѣ никогда не переставала быть въ тоже время и жизнью съ людьми. Восходя сердцемъ на небо, онъ въ то же время оставался имъ и на землѣ. Развѣ онъ при своихъ огромныхъ силахъ духа не могъ бы повторить подвиговъ Серафима или старчества Амвросія? Но тогда онъ долженъ бы уйти отъ міра, а развѣ онъ рѣшился бы на это? Развѣ онъ мыслимъ безъ народа? Вся его дивная личность, кромѣ его собственныхъ усилій, еще отточена приливами и отливами безконечной народной волны.

И въ своей пастырской дѣятельности онъ былъ дѣйствительнымъ подобіемъ Христа. Онъ въ тягостные сумерки жизни внесъ цѣлые потоки лучей вѣчнаго свѣта и озарилъ ими все: и села, и города, и дворцы, и лачуги людей и все отношенія жизни, такъ что смѣло можно сказать, что въ немъ свѣтъ пришелъ въ міръ. По подобію Христову, онъ былъ истинно народнымъ пастыремъ. Онъ былъ всегда съ народомъ. Онъ ѣлъ и пилъ съ мытарями и грѣшниками. И его ногъ касались блудницы. Онъ заходилъ въ дома мытарей, и не одинъ изъ нихъ отъ радости раздавалъ часть своего имѣнія; въ себѣ и съ собою онъ носилъ безоблачное небо; куда ни входилъ, онъ всюду вносилъ надежду и радость. Въ его присутствіи слезы раскаянія смѣшивались съ сладкими слезами восторга. Предъ нимъ трепетали бѣсы и наружу выступали застарѣлые грѣхи. Къ нему приносили больныхъ, и онъ исцѣлялъ ихъ. Къ нему приходили сотники, къ нему обращались царедворцы. Къ нему подводили дѣтей, и онъ благословлялъ ихъ. Сколькимъ вдовамъ онъ сказалъ: „не плачь!“. Онъ кормилъ сотни людей, и послѣ десятковъ лѣтъ такой непрерывной трапезы еще осталось много коробовъ остатковъ. Въ одну минуту наполнялись дома, въ которые онъ входилъ; когда онъ шелъ или ѣхалъ по улицѣ, восторженные толпы народа бѣжали за нимъ. Приходили въ движеніе города, въ которые онъ въѣзжалъ. Ему устраивали евангельски-торжественныя встрѣчи. Ему подъ ноги бросали цвѣты и простилали одежды. Отъ него вѣяло такую свободой, что такъ и ожидалось, что вотъ—вотъ онъ скажетъ: „милости хочу, а не жертвы; суббота для человѣка; вино

новое вливають и въ мѣха новыя“... Послѣ трудового дня онъ ночи проводилъ въ уединенной молитвѣ.

Можно говорить о величїи дарованїй, но никакъ нельзя отрицать того, что никто еще не являлъ міру такъ полно и ярко образъ Христа, какъ явилъ его великій Кронштадтскій пастырь.

Приснопамятный о. Іоаннъ такъ наполнилъ сосудъ священства, что уже больше нельзя и наполнить его. Онъ былъ полномочнымъ пастыремъ, хотя и безъ омофора,—настоящимъ орломъ, хотя и не стоялъ на орлецахъ,—истиннымъ святителемъ, хотя и не назывался такъ,— всероссійскимъ пастыремъ, хотя и не носилъ титула патріарха. И даже несравненно больше! Онъ совершалъ таинство чудотворенія, которое лучше и полнѣе всякихъ титуловъ и должностей доказываетъ несомнѣнность великихъ божественныхъ полномочій. Предъ нимъ смиренно разступилось епископство, ему поклонилось изумленное монашество, въ немъ священство достигло своего высшаго самосознанія и такъ выросло, что ему уже далеко невпору стали тѣ рамки, въ которыя его поставила исторія и правила...

Но почившій пастырь показалъ и то, какая огромная личная работа нужна священнику, съ какой безтрепетностью онъ долженъ разорвать всѣ мірскія пристрастія, съ какимъ пламенемъ долженъ молиться у Престола и съ какой самоотверженной любовью долженъ служить своимъ братьямъ. Теперь мы видимъ, какой нуженъ пастырь народу: не титулованный, а пастырь молитвенникъ прежде всего; такой, который бы могъ умолить Господа, предъ которымъ бы можно было излить всѣ свои скорби и печали, и сомнѣнія, и согрѣшенія, который несомнѣнно близокъ къ Богу, у котораго всегда можно найти любовь и поддержку. На немъ мы видимъ, что лишняго въ бремени священства, что истинному пастырю непременно придется сбросить и что оставить, чтобы сохранить Христово подобіе, чтобы быть солью земли и радостью міра. Онъ сбросилъ съ себя всѣ житейскія заботы, оставилъ заботы настоятельства, ушелъ отъ докучной канцелярской работы, которою все больше и больше обременяютъ священство, и оставилъ себѣ только службу, проповѣдь и народъ...

Въ темную годину своекорыстія, въ самый расцвѣтъ себялюбїя, когда во второмъ этажѣ обыкновенно не знали, какъ живутъ и страдаютъ въ подвалѣ, когда умирали отъ голода на чердакахъ въ то время, какъ пресыщались внизу, когда перегородки квартиръ раздѣляли людей больше, чѣмъ горы, когда священная собственность зажималась въ рукахъ сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, а гнусная печать

наживы ложилась на лица подавляющаго большинства людей, когда города цѣлыми тысячами выбрасывали духовно и тѣлесно искалѣченныхъ людей, когда и священникъ и левитъ и даже самарянинъ спокойно проходили мимо израненныхъ,—онъ одинъ явилъ необычайное милосердіе. Онъ показаль, какъ нужно пользоваться тѣмъ, что имѣешь, какое самое лучшее употребленіе можно сдѣлать изъ своихъ средствъ. Онъ указаль на то, что наши блага должны быть общими съ нашими ближними, чтобы и общее Божіе было общимъ съ нами. Среди жесткаго своекорыстнаго міра онъ явился, какъ представитель другого порядка, какъ житель другой планеты, съ другими привычками и правилами! Но онъ былъ не только дѣятелемъ настоящаго, а и вѣрнымъ предъ изображеніемъ будущаго, когда люди поймутъ, что, дѣлясь своими благами съ ближними, они чрезъ то самое участвуютъ въ дѣлежѣ неизмѣримо большихъ благъ любви и святости и радости, которыя для всѣхъ имѣются у Бога—того будущаго, когда вѣпышки первыхъ дней христіанства и отдѣльные огоньки учениковъ Христовыхъ загорятся всемірнымъ пламенемъ, когда у всѣхъ будетъ одно сердце и одна душа. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ яркихъ свѣточей Царства Божія, однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ камней того зданія, которое Божественный Художникъ медленно, но вѣрно строить на землѣ.

Великій, искренній и пламенный духъ, онъ жилъ въ то суровое время, когда въ полной мѣрѣ человѣкъ былъ для субботы, но и тогда уже онъ преступаль грани, которыхъ кромѣ него никто не смѣль преступить. Силою своего живого и искренняго духа онъ надкололъ каменные плиты преданій, какъ живые корни деревъ раздвигаютъ расщелины скалъ. Онъ первый нанесъ легкій едва замѣтный ударъ греческому мрамору, который современемъ несомнѣнно разсыплется подъ мощными ударами духа! Въ немъ мы ощущали то вѣяніе духа, котораго боится буква и все, живущее буквой. Его выступленіе смутило стражей у гроба, но они скоро успокоились, увидѣвъ, что онъ всталъ, не сломавши печати.

Таковъ былъ почившій пастырь! Отнынѣ мимо него не пройдетъ ни одинъ священникъ; огнемъ совѣсти или духомъ бодрости, но непремѣнно онъ дохнетъ на него.

Братья-священники! на нашихъ глазахъ прошелъ его неустанный пастырскій трудъ, мы созерцали великолѣпную славу его священства, были свидѣтелями его любви и милосердія, стояли съ нимъ у Престола Божія, наконецъ во всемъ своемъ величій онъ открылся намъ въ преломленіи хлѣба... Ужели же послѣ чудныхъ

картинъ Галилеи, изъ этого дивнаго Эммауса мы снова пойдемъ въ Иерусалимъ, чтобы у книжниковъ и фарисеевъ брать бездушные уроки паствы. Бодро и твердо пойдемъ его путемъ!.. Съ молитвою на устахъ, съ огнемъ любви въ сердцѣ смѣло бросимся въ народныя волны; въ нихъ тонеть только тотъ, кто сомнѣвается, но по нимъ чудесно идетъ тотъ, кто идетъ съ вѣрою. А почившій Пастырь будетъ нашимъ учителемъ и помощникомъ и утѣшителемъ.

О, городъ прошлаго! Городъ свѣтлаго, чистаго, небснаго, невозвратнаго прошлаго! Городъ, гдѣ повторилось евангеліе въ самыхъ своихъ свѣтлыхъ страницахъ! Гдѣ еще горячи слѣды его ногъ и не успѣли остынуть мѣста прикосновенія его рукъ! Гдѣ въ воздухѣ еще носятся его молитвы, а въ храмѣ, въ домахъ, и на стогнахъ витаеть его свѣтлая тѣнь! Гдѣ еще не вкусили смерти тысячи беедовавшихъ съ нимъ! Сколько разъ онъ собиралъ дѣтей твоихъ подъ крылья свои для молитвы, назиданія, причащенія и благотворенія, какъ птица собираеть своихъ птенцовъ! Онъ благоухалъ тебя молитвами, онъ прославилъ тебя славою своею, онъ ошастливилъ тебя жизнію своею! О, городъ его! Всегда помни своего великаго пастыря и неизмѣнно ходи во свѣтъ его, чтобы слава его не обезславила тебя и мерзость запустѣнія не постигла тебя.

Священникъ *Сергій Путилинъ.*